

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета О.И. Завьяловой на диссертацию Владислава Владиславовича Круглова «Терминология древнекитайского трактата *Сицы чжуань* («Повествование привязанных слов») и ее проекция на фразеологию современного политического дискурса», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык)

Известно, что «И цзин», или «Книга перемен» («Канон перемен»), и серия трактатов с комментариями к ней, включая «Сицы чжуань», занимают особое место среди других древнекитайских письменных памятников. С одной стороны, при династии Хань текст «И цзина» был включен в состав канонического «Пятикнижия». С другой, «И цзин» не входил в состав предложенного в XII в. философом Чжу Си и ставшего по сути дела официальным «Четверокнижия» («Сы шу»), знание которого требовалось на государственных экзаменах *кэцзюй* вплоть до их отмены в 1905 г. Более того, в начале XX в. и, по-видимому, вплоть до обнаружения в 1970-х гг. варианта «И цзина» при раскопках захоронений II в. до н.э. в Мавандуе (провинция Хунань) традиционная древняя датировка этого текста вообще ставилась под сомнение – высказывались предположения, что он был создан в ранний среднекитайский период.

Тем не менее интерес к этому действительно древнейшему и очень своеобразному тексту – как и к другим классическим письменным памятникам – ожидаемо не мог не возникнуть в китайском научном мире и более того в китайском обществе в целом в период возрождения традиционной культуры в последние десятилетия. Более того, стало очевидным, что по-настоящему понять и перевести современные китайские тексты, в том числе официальные политические, нельзя без понимания и анализа с разных точек зрения классических памятников. В свою очередь понимание и интерпретация своеобразного текста «И цзина», ориентированного на гадание, невозможна без изучения и осмысления серии древних трактатов с комментариями к нему, объединенных под названием «Десять крыльев» («Ши и»), и прежде всего важнейшего из них – состоящего из двух частей «Повествования привязанных слов» («Сицы чжуань»). Именно этот памятник, в котором в полной мере представлены базовые понятия традиционной китайской философии и культуры, с одной стороны, и анализ восходящих к его тексту фразеологизмов *чэньюев* в современных официальных текстах высокого уровня, с другой, стали объектом

исследования в рецензируемой работе. И именно этим определяется как практическая, так и теоретическая значимость диссертации В.В. Круглова, ее актуальность и востребованность.

При анализе текста «Сицы чжуань» в первой главе диссертации В.В. Круглов принял решение использовать сводный список из 100 традиционных китайских философских понятий/соответствующих терминов, предложенный А.И. Кобзевым, – один из нескольких таких списков, которые присутствуют в работах отечественных, западных и китайских ученых. В результате проведенного анализа было установлено, во-первых, какие именно термины (и соответственно понятия) из общего списка А.И. Кобзева употребляются в тексте «Сицы чжуань»; во-вторых, – и это важно и интересно с лингвистической точки зрения – какова частотность употребления этих терминов с учетом их распределения по семи тематическим разделам. Еще одна составляющая первой главы – выделение в тексте «Сицы чжуань» десяти наиболее частотных терминов (и соответственно понятий) из того же списка А.И. Кобзева. Полученные результаты оформлены В.В. Кругловым в форме итоговых таблиц и графиков.

Второй раздел внутри первой главы посвящен анализу формального построения текста «Сицы чжуань» с фонетической (рифмы), грамматической (принадлежность слов к тем или иным частям речи и синтаксическая структура фраз) и количественной точек зрения. И наконец, в третьем разделе внутри первой главы идет речь о характерных для древнекитайских текстов в целом и «Сицы чжуань», в частности, парных терминах не обязательно с противоположным значением, которые автор диссертации вслед за другими специалистами, прежде всего философами, условно называет «оппозиционными». Ср., например, с одной стороны, действительно оппозиционные 尊卑 *цзунь* – бэй ‘возвышенное и низменное’, 剛柔 *ган* – жоу ‘твердое – мягкое’, с другой – парные, но не оппозиционные 象形 *сян* – син ‘символы и формы’, 風雨 *фэн* – юй ‘ветер и дождь’.

Анализу уже в современных политических текстах фразеологических единиц *чэньюев*, связанных по своему происхождению с «И цзином», посвящена вторая глава диссертации. Исследование проводилось с использованием не только традиционных словарей, но также, что очень важно и интересно, новейших текстовых корпусов, без которых во многих случаях немислимы современные лингвистические исследования. В основе анализа лежат обширные материалы – 504 текста речей трех руководителей КНР, Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина.

Для анализа из общего списка связанных с «И цзином» *чэньюев* автор диссертации выбрал 14 единиц и выявил в общей сложности 62 случая их использования в проанализированных текстах речей. Интересно при этом, что больше всего случаев употребления таких *чэньюев* было обнаружено в речах Си Цзиньпина, который в отличие от всех других руководителей КПК дважды посетил родину Конфуция Цюйфу. Далее по числу употреблений следуют политические речи Мао Цзэдуна, который все же получил в отрочестве классическое образование, и лишь затем речи Дэн Сяопина.

Основная и, пожалуй, самая инновационная составляющая второй главы – анализ грамматической деформации *чэньюев* в современных текстах – заметим, не только синтаксическая, но и морфологическая. В своем традиционном варианте фразеологическая единица *чэньюй* как правило состоит из четырех корневых морфем, которые записываются соответствующим числом иероглифов. С точки зрения древнекитайского языка – это фраза, состоящая из четырех односложных слов. Как справедливо отмечает В.В. Круглов, общее значение *чэньюя* в значительной степени определяется значением составляющих его исходных односложных слов и связано с соответствующими историческими текстами. Вместе с тем с точки зрения современного китайского языка, традиционный *чэньюй* – это единое слово, которое включает четыре корня и выступает в качестве того или иного члена предложения подобно любому другому современному односложному, двусложному или многосложному слову. Тем не менее, как это было установлено в диссертации, в современных текстах традиционные *чэньюи* стали грамматически модифицироваться и «осовремениваться» с использованием самых разных синтаксических и морфологических средств вплоть до суффиксов существительных и глагольных видовременных показателей.

Как всякое многоплановое объемное исследование, диссертация В.В. Круглова содержит некоторые недочеты – как по существу, так и с точки зрения системного использования тех или иных терминов. Приведем некоторые примеры.

1. «Локальное изобретение синографии способствовало формированию китайского государства и культурного кода ханьцев, а также повлекло их доминирующее распространение на юг, который населяли этносы, говорившие на других языках того же (слогового) типа», – отмечает автор на с. 4. Не ясно, что именно распространялось на юг и какие именно этносы имеются в виду в данном случае. Если речь идет о китайской иероглифической письменности, то она распространялась не только и даже не столько на юг – достаточно рано она стала употребляться в Корее и затем попала через Корею в Японию.

2. Известно, что в китайском языке на протяжении всей истории существования иероглифического письма каждая морфема как правило (но все же не всегда) записывалась и до сих пор записывается одним и тем же иероглифом. В древнекитайском языке слово обычно к тому же состояло из одной корневой морфемы. В связи с этим в китаеведных работах термин «иероглиф» часто употребляют вместо термина «слово», особенно когда речь идет о древнекитайском языке. Ср. в рецензируемой диссертации «синтаксическое тождество цепочек иероглифов» (вместо «синтаксическое тождество цепочек односложных слов»), «синоптический список Джозефа Нидэма состоял из 80 иероглифов», «нужно проследить этимологию иероглифов», «в случае полного грамматического параллелизма подлежащее и сказуемое... ..выражены одинаковым количеством иероглифов». В серьезных работах стоит все же четко разграничивать соответствующие понятия и термины.

3. Рифмы включены В.В. Кругловым в список основных признаков структурного параллелизма в китайских классических текстах, в том числе в трактате «Сицы чжуань» (с. 56). Тем не менее, эта составляющая упомянута, но не проанализирована, соответствующие примеры с уместной в данном случае реконструкцией древнекитайского произношения слов, в тексте не приводятся.

4. Вряд ли можно говорить о «фонографической записи понятий», когда речь идет о китайской латинизированной системе *ханьюй пиньинь* и об английской системе Уэйда-Джайлса. На самом деле любым письмом – как алфавитным, так и иероглифическим – записывают либо звуки (в первом случае), либо слова/морфемы (во втором), но не понятия, которые к тому же могут быть соотнесены с разными словами.

5. Представляется, что употребление новых терминов параллельно с общепринятыми («синограф» вместо «иероглиф», «квартном» вместо *чэньюй*) делает текст диссертации менее прозрачным, затрудняет его понимание. Ср. также «синоптический список» вместо «сводный список», тем более что слово «синоптический» многозначно и употребляется, в частности, в значении «относящийся к метеорологическим условиям».

Подобные недочеты ни в коей мере не снижают общего благоприятного впечатления от рецензируемой работы. Диссертация Владислава Владиславовича Круглова на тему «Терминология древнекитайского трактата *Сицы чжуань* («Повествование привязанных слов») и ее проекция на фразеологию современного политического дискурса» соответствует основным требованиям, установленным

Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Владислав Владиславович Круглов заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык).
Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института Дальнего Востока РАН

О.И. Завьялова

Личную подпись сотрудника ИДВ РАН
Завьялова О.И.
удостоверяю

Круглов Владислав Владиславович
кандидат филологических наук
В. В. Круглов

